

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 81.22

Л.С. Гуревич

О соотношении индивидуальных когнитивных пространств в процессе межкультурной коммуникации

Статья посвящена проблеме соотношения индивидуальных когнитивных пространств в межкультурной коммуникации, в зависимости от которого определяются прагмасемантические характеристики коммуникации, вычленяется интерпретанта диалогического дискурса.

Ключевые слова: индивидуальное когнитивное пространство; прагмасемантический компонент речи; интерпретанта; межкультурная коммуникация.

Изучение многочисленных трудов российских и зарубежных исследователей в области лингвистики, а также собственное языковое наблюдение приводит нас к простой и достаточно лаконичной формуле, согласно которой процесс понимания базируется на трех составляющих, трех базовых уровнях. Основной на первом базовом уровне является *семантика лексических единиц*. Знание системных значений слов коммуникантами обеспечивает им гипотетически общую основу для коммуникации, беспрепятственное вхождение в единую систему языковых кодов, лежащих в основе понимания. На втором базовом уровне понимания мы выделяем *языковой смысл*. Уже доказан и не вызывает никаких сомнений тот факт, что в процессе коммуникации люди оперируют не собственно лексическими значениями, а моделируемым в высказывании смыслом, который формируется под воздействием ближайшего окружения лексических единиц и обуславливается контекстом. Наконец, третий, наиболее сложный базовый уровень понимания характеризует *интерпретанта*. Как отмечают Ч. Пирс и Ч. Моррис, «именно она заполняет онтологическую “пропасть” между реальностью и знаком. Интерпретанта — это новый знак, возникающий в сознании человека, пользующегося данным знаком; это перевод, истолкование, концептуализация отношения знак/объект в последующем знаке (например, определенная реакция человека на воспринимаемый знак и т. д.); это то, что «производится знаком в интерпретаторе» [10: с. 513].

В последних работах по прагмалингвистике неоднократно озвучивалась мысль о том, что в зависимости от ситуации общения, включающей в себя и собственно коммуникантов, и их интерперсональные отношения, и ситуацию общения, и многое другое, что в совокупности здесь и далее мы будем называть «индивидуальным когнитивным пространством» (далее — ИКП), одному и тому же контексту может соответствовать несколько различных интерпретаций. Фактически количество возможных интерпретаций неограниченно. Так, предложение: «He approved this treaty» («Он одобрил этот договор»), в зависимости от того, кто подразумевается под *he*: а) премьер министр, б) представитель правящей партии или в) мой сосед, может интерпретироваться соответственно как: а) одобрил (официально); б) одобрил (присоединился к одобрению премьер-министром, т. е. выразил свое человеческое согласие, не имея полномочий для официального одобрения); в) одобрил (предполагается ирония, ибо говорящий не имел на то законных оснований). Индивидуальная интерпретация смысла может совершенно не совпадать с существующей семантикой слова. А основой возможной множественной интерпретации является ИКП. Поскольку в коммуникации постоянно порождаются новые смыслы, каждый коммуникативный акт, по сути, является уникальной интерпретацией смысла лексической единицы.

Рассмотрим следующий пример: «<...> *he insulted me, shaking his head, instead of trying to seem like he wanted to help, he just insulted me*» (from: <https://corpus.byu.edu/coca/>) «<...> он оскорбил меня, отрицательно качая головой вместо того, чтобы притвориться, что хочет мне помочь, он просто оскорбил меня»¹). Здесь речь идет о лечащем враче, который обвиняется пациенткой в оскорблении, хотя, по определению, такие действия врача, как молчание и покачивание головой, не входят в перечень оскорбительных действий.

Интерпретация контекста зависит от множественных векторов преломления информации через индивидуальное и коллективное когнитивные пространства говорящего и слушающего [5: с. 69–90]. Смысловой аспект коммуникации в связи с этим представляет собой сложное образование, включающее в себя металингвистические и семиотические знаки, подсказывающие слушающему, как интерпретировать то или иное высказывание.

Исследования доказывают, что вербальная коммуникация между носителем языка и иностранцем предполагает преодоление ряда трудностей, связанных именно с особенностями национально-культурного аспекта межъязыковой коммуникации [8; 9; 3 и др.]. Наиболее проблематичными для общения становятся: 1) *прагматическая информация языкового знака*, связанная с его иллокутивной и экспрессивной функциями, которые, в свою очередь, согласуются с «переживаемостью» и «интенсивностью» духовных ценностей, к которым отправляет языковой знак; 2) *когнитивная память слова*, составляющая смысловые характеристики языкового знака и связанная с системой

¹ Здесь и далее перевод наш. — Л. Г.

духовных ценностей носителя языка; 3) *культурно-этнический компонент*, который определяет специфику семантики языковых единиц и отражает наивную языковую картину мира его носителей [4: с. 65–66]. Несмотря на то что общение может происходить (и чаще всего происходит) на одном языке — родном для носителя языка и чужом для иностранца, рассматривать его необходимо именно как *межъязыковую* коммуникацию, ибо в данном процессе, как бы хорошо ни знал иностранец язык коммуникации, в большей или меньшей степени в формировании смыслов имеет место интерференция родного языка и родной культуры, проявляющейся на уровне менталитета, культурных представлений, норм, ценностей и т. д.

Не менее значимым фактором ИКП ученые признают социально-культурный статус коммуникантов. Такие параметры, как социальная принадлежность, должность, профессия, культурные нормы и обычаи, семейное положение, уровень образования, место проживания и т. д., играют не последнюю роль в способности человека создавать речевые произведения и использовать их для достижения собственных коммуникативных целей [1, 6 и др.].

Следует отметить, что перечисленные признаки имеют неодинаковую значимость в различных социумах, а потому в разной степени отражаются на речевом общении. Тем не менее их относят к числу коммуникативно значимых признаков. На то, как структурируются смыслы и интерпретируются в процессе коммуникации, оказывают влияние также ментальные модели, которые формируются в мозгу человека и функционируют в процессе личностно-общественных интеракций, в том числе и в коммуникативном процессе. Не менее значимыми в этом взаимодействии являются: социальное окружение, психологическое и физиологическое состояние личности и другие экстралингвистические факторы коммуникации. Ментальные модели, которые в процессе коммуникации подвержены различного рода трансформациям (см.: [2: с. 21]), по нашему глубокому убеждению, являются неотъемлемой частью ИКП и заслуживают отдельного внимания как основа речевой и коммуникативной деятельности.

Признание существования ИКП ставит очередной комплекс вопросов перед лингвистами: каким образом обеспечивается понимание в процессе коммуникации, в том числе межкультурной коммуникации, если каждое индивидуальное когнитивное пространство уникально и не похоже ни на какое другое? Что лежит в основе понимания коммуникантами друг друга? Что является препятствием к пониманию? Существуют ли непреодолимые препятствия к пониманию?

Проблема соотношения того, «*что* сказано», и того, «*как* сказано», рассматривается в парадигме контекстуальных, реляционных и культурных процессов формирования смысла высказывания. Г. Бейтсон и И. Гофман указывают на то, что в процессе интерпретации важнейшую роль для правильного понимания смысла высказывания играет метакоммуникативное высказывание, которое вклинивается время от времени в речь говорящего [11; 12].

Сложность и неоднозначность метакоммуникативного высказывания заключается в том, что, с одной стороны, непосредственной функцией его в коммуникации является уточнение (комментирование) слов говорящего, с другой стороны, оно само является частью высказывания говорящего и нуждается в особой интерпретации собственного смысла, лежащего за пределами экспликации.

Рассмотрим примеры коммуникативных ситуаций, где анализируется зависимость интерпретативного компонента текста от векторов индивидуального и коллективного когнитивных пространств коммуникантов. Интерпретанта чаще всего становится доминантой в процессе определения смысла высказывания, и особенно отчетливо это заметно при работе с иноязычным текстом в процессе перевода. Например, в сообщении английского корреспондента из English Newslab основная тема официального письма представителей Общественной палаты России премьер-министру России была квалифицирована как упрек: «Public Chamber *reproached* Fradkov about alcohol disorder («Общественная палата *упрекнула* Фрадкова в нарушении контроля за розничной продажей алкоголя»). Однако в процессе комментария данного действия автор статьи эксплицирует собственную интерпретанту, называя в качестве синонимов *упреку* предикаты, номинирующие ситуацию просьбы и совета: «*a request to settle the situation at the alcohol market in Russia...*» (from: https://www.researchgate.net/publication/216075570_Alcohol_situation_in_Russia_1980-2005) («*просьба* урегулировать ситуацию на алкогольном рынке России»); «To sum up, there is *an advise to...*» («подводя итог, отметим, что это совет...»). По существу, в контексте моделируется индивидуальный смысл говорящего, без экспликации основных положений которого (т. е. что он *имеет в виду* под упреком), ситуация для стороннего слушателя была бы не совсем ясна, ибо в понятие упрека входит как минимум статусное превосходство адресанта над адресатом высказывания.

Выбирая точные соответствия лексической единице, мы невольно обращаемся к собственным экстралингвистическим знаниям, учитывая все нюансы рассматриваемой ситуации. Иными словами, мы пытаемся интерпретировать ситуацию с позиции собственных накопленных в процессе жизни знаний. Интерпретируя, мы обращаемся к ментальным моделям, сформированным в нашем мозгу, и, сопоставляя то, что дается нам в виде перцептивного образа, с тем, что имеется у нас в виде ментальных структур в сознании, выносим собственное суждение по поводу услышанного. В интерпретации, таким образом, участвуют, если можно так сказать, и ментальные модели слушающего. Учитывая тот факт, что коллективные когнитивные пространства носителей различных лингвокультур расходятся, индивидуальные когнитивные пространства также имеют не слишком много точек соприкосновения, поскольку разные лингвокультуры по-разному членят мир. Поэтому такие факторы, как *прагматическая информация языкового знака, когнитивная память слова*

и культурно-этнический компонент, иногда становятся серьезным препятствием как в понимании коммуникантов друг друга, так и в переводе текстов.

Интересно отметить, что последний из перечисленных факторов, призванный отражать языковую (наивную) картину мира говорящего как факт обыденного сознания, «воспринимается пофрагментарно в лексических единицах языка, однако сам язык непосредственно этот мир не отражает» [7: с. 56]. Примером тому может служить соотношение сравнительных конструкций в английском и русском языках, которое достаточно часто бывает асимметрично, когда устойчивым сравнительным оборотам в одном языке не находится соответствующего устойчивого выражения в другом. Например, английскому выражению «as happy as a pig in (slop, deer mud, porcorn, poop)» прямого соответствия нет в русском языке, но в обыденном сознании носителей русского языка могут отражаться реалии, которые могут быть соотнесены по прагматическому компоненту с англоязычным аналогом: «счастливый, как дитя (хомячок, сова, бандерлог, кот, щенок, Господь Бог, удав и др.)». Следует отметить, что в данных сравнениях актуализируются, скорее всего, индивидуальные смыслы, которые не входят в национальную языковую картину мира, и понимание смысла высказывания осуществляется за счет исключительно ключевого слова *счастливый*, несущего основную смысловую нагрузку. Иногда можно встретить в русскоязычном разговорно-бытовом дискурсе английские кальки, например «счастлив, как свинья в грязи». Однако русскоязычному социуму не свойственно ассоциировать счастье с грязью. В одном из блогов, посвященных именно этому сравнению о счастье, на реплику «счастлив, как свинья» был дан комментарий «как угодно, только не в грязи». Необходимо также отметить, что англоязычные сравнения, передающие смысл «счастлив, как», также не ограничиваются одним только образным выражением, ассоциируемым со свиньей (<https://otvet.mail.ru/question/74646576>).

Вариаций образных соответствий в обыденном сознании англоязычных коммуникантов достаточно много: a child, a lark, a lord in summer, a kid in a candy store, a clam, a pensioner on her way to Disney World, a healthy control group of 49 и др. (from: <https://corpus.bu.edu/coca/>). Опять же следует подчеркнуть, что это не язык таким образом членит мир, так представляется мир в сознании, а шире — в ИКП носителей языка. Новые сравнения, обороты, необычные и не совпадающие с языковыми шаблонами сочетания, порожденные индивидуумом и являющиеся частью ИКП, впоследствии могут стать достоянием коллективного когнитивного пространства. В дальнейшем, вполне возможно, они перейдут в узус языка, станут устойчивыми словосочетаниями, которые будут воспроизводиться носителями языка как цельные языковые единицы, фразеологизмы, идиомы или метафоры. Такая предположительная динамика развития языка наводит на мысль о том, что экстралингвистическая составляющая коммуникации играет не последнюю роль в развитии лексического состава языка, и этот феномен заслуживает глубокого научного анализа и наблюдения.

В действительности анализ соотношения ИКП в процессе межкультурной коммуникации дает огромное количество примеров и гипотез, позволяющих приоткрыть завесу над очень зыбким в смысловом отношении и труднообъяснимым прагматическим компонентом речи. Предложенные в настоящей статье гипотезы и результаты языковых наблюдений могут дать дополнительные и весьма интересные направления языкового анализа, подсказать объяснение некоторых необъяснимых и непонятных, на первый взгляд, языковых явлений.

Библиографический список

Литература

1. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Ростов н/Д., 1993. 182 с.
2. Викулова Л.Г. «Мягкая сила» ученого-филолога в издательской практике классических произведений // Текст: Дискурсивное проявление и коммуникативная практика: сб. науч. ст. в честь юбилея д-ра филол. наук, проф. Л.Г. Викуловой. М.: Языки Народов Мира, 2017. С. 11–34.
3. Викулова Л.Г., Рянская Э.М. Человек и язык сквозь призму времени (традиции и новые парадигмы): информационно-аналитический обзор материалов конференции «Человек. Язык. Время» (МГПУ, 16–18 сентября 2015 г.) // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 1 (21). С. 131–136.
4. Воркачев А.А. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия АН. Сер. литературы и языка. 2001. Т. 60. № 6. С. 47–58.
5. Гуревич Л.С. Когнитивное пространство метакоммуникации. Иркутск: ИГЛУ, 2009. 372 с.
6. Зарецкая Е.Н. Логика речи для менеджера. М.: Финпресс, 1997. 352 с.
7. Поваляева А.Н. Язык — составная часть культуры // Культура народов Причерноморья. 2003. № 38. С. 56–59.
8. Степанов Ю.С. Пространство и миры — новый, «воображаемый», «ментальный» и прочие // Философия языка: в границах и вне границ: Международная серия монографий: в 2 т. Т. 2. Харьков, 1994. С. 3–18.
9. Сухих С.А., Зеленская В.В. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. Краснодар: Изд-во Кубанск. гос. ун-та, 1998. 276 с.
10. Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 702 с.
11. Bateson G.A Theory of Play and Fantasy // Steps to an Ecology of Mind: Collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology. Chicago: University of Chicago Press, 1972. P. 177–193.
12. Goffman E. Frame Analysis: an Essay on the Organization of Experience. New York: Harper and Row, 1974. 600 p.

References

Literatura

1. *Baranov A.G.* Funkcional'no-pragmaticeskaya koncepciya teksta: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Rostov n/D., 1993. 182 s.
2. *Vikulova L.G.* «Myagkaya sila» uchenogo-filologa v izdatel'skoj praktike klassicheskikh proizvedenij // *Tekst: Diskursivnoe proyavlenie i kommunikativnaya praktika: sb. nauch. st. v chest' yubileya d-ra filol. nauk, prof. L.G. Vikulovoj.* M.: Yazy'ki Narodov Mira, 2017. S. 11–34.
3. *Vikulova L.G., Ryanskaya E'.M.* Chelovek i yazy'k skvoz' prizmu vremeni (tradicii i novy'e paradigmy'): informacionno-analiticheskij obzor materialov konferencii «Chelovek. Yazy'k. Vremya» (MGPU, 16–18 sentyabrya 2015 g.) // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie».* 2016. № 1 (21). S. 131–136.
4. *Vorkachev A.A.* Koncept schast'ya: ponyatijny'j i obrazny'j komponenty' // *Izvestiya AN. Ser. literatury' i yazy'ka.* 2001. T. 60. № 6. S. 47–58.
5. *Gurevich L.S.* Kognitivnoe prostranstvo metakommunikacii. Irkutsk: IGLU, 2009. 372 s.
6. *Zareczkaya E.N.* Logika rechi dlya menedzhera. M.: Finpress, 1997. 352 s.
7. *Povalyaeva A.N.* Yazy'k — sostavnaya chast' kul'tury' // *Kul'tura narodov Prichernomor'ya.* 2003. № 38. S. 56–59.
8. *Stepanov Yu.S.* Prostranstvo i miry' — novy'j, «voobrazhaemy'j», «mental'ny'j» i prochie // *Filosofiya yazy'ka: v graniczax i vne granicz: Mezhdunarodnaya seriya monografij: Xar'kov,* 1994. v 2 t. T. 2. S. 3–18.
9. *Suxix S.A., Zelenskaya V.V.* Pragmalingvisticheskoe modelirovanie kommunikativnogo processa. Krasnodar: Izd-vo Kubansk. gos. un-ta, 1998. 276 s.
10. *Semiotika: Antologiya / sost. Yu.S. Stepanov.* 2-e izd., ispr. i dop. M.: Akademicheskij proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2001. 702 s.
11. *Bateson G.A.* Theory of Play and Fantasy // *Steps to an Ecology of Mind: Collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology.* Chicago: University of Chicago Press, 1972. P. 177–193.
12. *Goffman E.* Frame Analysis: an Essay on the Organization of Experience. New York: Harper and Row, 1974. 600 p.

L.S. Gurevich

On Correlation of Individual Cognitive Spaces within the Process of Cross-Cultural Communication

The article focuses on the problem of correlation of individual cognitive spaces within the process of cross-cultural communication, which lies in the core of pragmasemantic characteristics of communication specification as well as helps to single out dialogical discourse interpretant.

Keywords: individual cognitive space; pragmasemantic component of speech; interpretant; cross-cultural communication.